

Этнографические воззрения Анны Комниной и Никифора Вриенния: к вопросу о монгольском происхождении сельджуков

Митрофанов Андрей Юрьевич

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского католического университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Митрофанов А. Ю.* Этнографические воззрения Анны Комниной и Никифора Вриенния: к вопросу о монгольском происхождении сельджуков // Богослов. 2025. № 2 (6). С. 91–129. DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2025.6.2.006

АННОТАЦИЯ В статье предпринят анализ этнографических сведений, содержащихся в «Алексиаде» Анны Комниной и «Исторических записках» ее мужа, Никифора Вриенния. Предметом анализа является происхождение кочевников–сельджуков. Предлагается обзор литературы, посвященной этому дискуссионному в настоящее время вопросу. В рамках историографического обзора автор касается общего методологического вопроса о влиянии советской идеологии на тюркологию и о конкретных последствиях данного влияния в области исследований по этнографии. Рассматривая широкий круг источников, прямо или косвенно проливающих свет на происхождение сельджуков, автор приводит ряд аргументов, свидетельствующих об их монгольском происхождении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Анна Комнина, «Алексиада», Никифор Вриенний, сельджуки

Статья поступила в редакцию 05.04.2025,
одобрена после рецензирования 01.06.2025,
принята к публикации 12.06.2025.

Византийская принцесса Анна Комнина (1083–1153/54) на страницах знаменитой биографии своего отца — императора Алексея I (1081–1118), известной под названием «Алексиада»¹, рисует читателю яркую панораму борьбы ромеев с кочевниками-сельджуками, которые к 1081 г. захватили огромные пространства византийской Анатолии и дошли до побережья Мраморного и Эгейского морей. Как отмечает современная исследовательница Леонора Невилл, военно-политическая катастрофа, переживавшаяся Византийской империей в 1070–1080-х гг., была вполне сопоставима с трагическими событиями первой половины VII столетия, которые сопровождали персидское, а затем арабское завоевание азиатских провинций Восточной Римской империи². Вторжения печенегов, узов и половцев в балканские фемы Византии во многом повторяли начавшееся в конце VI в. аварское нашествие³. Но тогда на престоле Константина Великого (306–337) сидел талантливый военачальник и дипломат Ираклий (610–641), женатый вторым браком на яркой и харизматичной Мартине⁴, в то время как ни Роман IV Диоген (1068–1071), ни его преемники, ни их жены подобными дарованиями не блистали.

¹ Любарский Я. Н. «Алексиада» Анны Комниной — шедевр византийской литературы? // *он же*. Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 262–278; *Ljubarskij J.* Why is the Alexiad a Masterpiece of Byzantine Literature? // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 169–186.

² *Neville L.* Heroes and Romans in Twelfth-Century Byzantium: The Material for History of Nikephoros Bryennios. Cambridge: University Press, 2012. P. 13–15.

³ *Speck P.* *De Miraculis Sancti Demetrii, qui Thessalonicam profugus venit* oder Ketzerisches zu den Wundergeschichten des Heiligen Demetrios und zu seiner Basilika in Thessalonike // *Varia IV. Beiträge von Sofia Kotzabassi und Paul Speck. Ποικίλα Βυζαντινά 12.* Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1993. S. 267–532; *Speck P.* Nochmals zu den *Miracula Sancti Demetrii*. Die Version des Anastasius Bibliothecarius // *Varia V. Beiträge von Thomas Pratsch, Claudia Sode, Paul Speck und Sarolta Takács. Ποικίλα Βυζαντινά 13.* Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1994. S. 324–429; *Pohl W.* Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr. München: Verlag C. H. Beck, 1988. S. 32.

⁴ *Speck P.* Die Interpretation des *Bellum Avaricum* und der Kater Μεχλεμπέ: Der Protest des Patriarchen Sergios gegen die Heirat des Herakleios mit Martina // *Varia II.* Beiträge von Albrecht Berger, Lucy-Anne Hunt, Ralph-Johannes Lilie, Claudia Ludwig und Paul Speck. *Ποικίλα Βυζαντινά 6.* Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1987. S. 374–375.

По мнению Пауля Шпека, в течение 610-х гг. персы не только завоевали Египет и вышли к нильским порогам, но также дошли до Карфагена и захватили территории Африканского экзархата⁵. Победа Ираклия над Сасанидским Ираном в 628 г. была не столько результатом союза с тюрками и успешных кавказских походов, сколько плодом компромисса и договора с успешным персидским военачальником Шахрбаразом, который мечтал свергнуть Сасанидов и основать собственную династию. Союз Ираклия с Шахрбаразом был куплен ценой династического брака сына императора от Мартины — глухонемого Феодосия и дочери персидского узурпатора Ники, о котором кратко упоминает историк конца VIII в. патриарх Никифор. После убийства Шахрбараза и воцарения дочери Хосрова II Парвиза (591–628) царицы Бурандохт (630–631) Ираклий лишился выгодного союзника и в результате оказался не в силах эффективно противостоять арабской угрозе. Его преемнику пришлось снаряжать посольство в Китай и прибегать к помощи далекой Танской империи⁶. В отличие от Ираклия Роман IV Диоген не имел никаких союзников, а гражданские войны, бушевавшие в Византии на протяжении 1070-х гг., парализовали государство и предопределили успех сельджукского завоевания Анатолии. И хотя по свидетельству китайской династической летописи «История Сун» византийское посольство, отправленное то ли Михаилом VII Дукой Парапинаком (1071–1078), то ли Никифором III Вотаниатом (1078–1081), в 1081 г. прибыло в Китай, ко двору Шэнь-цзуна, а десять лет спустя, в 1091 г., ко двору Алексея I Комнина была отослана ответная китайская делегация⁷, исследователи спорят о характере подобных дипломатических контактов и об их значении для борьбы с сельджуками. Анна Комнина об этих контактах не упоминает.

Как отмечает Леонора Невилл, на страницах своего исторического произведения Анна Комнина «плачет, как

⁵ *Speck P.* Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros. *Ποικίλα Βυζαντινά 9*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1988. S. 75–81.

⁶ *Костин Ю.* Из истории византийско-китайских отношений // Византийский Временник. М., 1958. № 13. С. 292–297.

⁷ *Шульга Д. П., Ющенко Д. А., Тернов Н. М.* Сравнение китайского и монгольского опыта отношений с Восточной Римской Империей // МАИАСП. 2022. № 14. С. 336.

женщина, и пишет, как мужчина»⁸. Подобная характеристика, весьма традиционная для современной историографии, представители которой часто по-базаровски стремятся свести разнообразный внутренний мир своего героя к его гендерной принадлежности⁹, содержательна лишь в том отношении, что подчеркивает умение принцессы разбираться в политике и выносить компетентные суждения по поводу военных событий. Это обстоятельство даже побудило некоторых авторов высказывать, с нашей точки зрения, безосновательные сомнения относительно авторской самостоятельности и творческой оригинальности Анны¹⁰. Однако целый ряд современниц византийской принцессы, в частности самоотверженная Гита Уэссекская (1053–1098/1107), благочестивая Матильда Тосканская (1046–1115), распутная Уррака Кастильская (1081–1125), храбрая Матильда Английская (1102–1167), блистательная Элеонора Аквитанская (1124–1204) и, наконец, родная бабушка порфирородной писательницы, властолюбивая Анна Далассина (1030–1101/1102) демонстрируют своей жизнью, что в исторических реалиях XI–XII столетий знатная женщина часто была обязана проявлять самостоятельность и принимать активное участие в борьбе за власть. Не миновала эта участь и Анну Комнину, которая сама готовила свержение и убийство своего брата, императора Иоанна II

⁸ *Neville L.* Anna Komnene. The Life and Work of a Medieval Historian. Oxford: University Press, 2016. P. 61.

⁹ *Neville L.* Lamentation, History and Female Authorship in Anna Komnene's Alexiad // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2013. Vol. 53. P. 192–218; *Frankopan P.* Perception and Projections of Prejudice: Anna Komnene the Alexiad and the First Crusade // Gendering the Crusades. New York, 2002. P. 59–76; *Reinsch D.* Women's Literature in Byzantium? The Case of Anna Komnene // Anna Komnene and Her Times / Ed. T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 83–105.

¹⁰ *Macrides R.* The Pen and the Sword: Who wrote the Alexiad? // Anna Komnene and Her Times / Ed. T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 63–81; *Sinclair K.* Anna Komnene and Her Sources for Military Affairs in the Alexiad // Estudios Bizantinos. 2014. № 2. P. 143–185; *Howard-Johnston J.* Anna Komnene and the Alexiad // Alexios I Komnenos. Papers of the Second Belfast Byzantine International Colloquium, 14–16 April 1989 / Ed. M. Mullett and D. Smythe. Belfast, 1996. P. 260–302; *Lilie R.-J.* Der Erste Kreuzzug in der Darstellung Anna Komnenes // Varia II. Beiträge von Albrecht Berger, Lucy-Anne Hunt, Ralph-Johannes Lilie, Claudia Ludwig und Paul Speck. *Ποικίλα Βυζαντινά* 6. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1987. S. 49–148.

(1118–1143)¹¹, мечтающая возвести на престол собственного мужа Никифора Вриенния.

По мнению Пенелопы Баклей, в конце 1140-х гг. Анна Комнина создавала образ своего отца под влиянием Евсевия Кесарийского и Иоанна Скилицы, изображая Алексея I в первую очередь как «нового Константина»¹². Вероятно, по этой причине Анна начинает свой рассказ о жизни отца, утверждая, что весной 1071 г. юный Алексей мечтал попасть в армию императора Романа IV Диогена и принять участие в кампании против сельджуков, возможно, в качестве пажа при василевсе, будучи в возрасте 14 лет¹³. Если мы, доверяя Анне Комниной, принимаем 1057 г. в качестве даты рождения Алексея, следовательно, в 1071 г. будущему императору было всего 14 лет, а в 1077-м — 19 лет. При всех стратегических талантах Алексея, проявленных впоследствии при защите Византийской империи, трудно представить, что уже в возрасте 17 лет Алексей выполнял приказ Михаила VII Дуки Параспинака о поимке взбунтовавшегося норманнского рыцаря Русселя де Байоля (1074), а в 21 год командовал армией, направленной на подавление мятежа Никифора Вриенния Старшего (1078). Возможно, в период походов Романа IV Диогена на сельджуков Алексей был несколько старше. По крайней мере, Фердинанд Шаландон на основании сообщения Зонары о том, что в 1118 г. — то есть в год смерти — Алексею было 70 лет, полагал, что Алексей Комнин родился примерно в 1047–1048 гг. Если это так, в этом случае император Алексей мог вполне отчетливо помнить Гражданскую войну 1057 г. и кратковременное царствование своего дяди императора Исаака I Комнина (1057–1059), что должно было подогревать его политические амбиции.

Анна Комнина свидетельствует: «Он начал службу еще при Романе Диогене... В возрасте четырнадцати лет он стремился принять участие в большой военной экспедиции

¹¹ *Magdalino P.* The Pen of the Aunt: Echoes of the Mid-twelfth Century in the Alexiad // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 15–44.

¹² *Buckley P.* The Alexiad of Anna Komnene. Artistic Strategy in the Making of a Myth. Cambridge: University Press. 2014. P. 245–249.

¹³ *Ioannis Zonarae Annales.* Bonn, 1897. Vol. III. S. 764; *Chalandon F.* Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. I: Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081–1118). Paris, 1900. P. 23–24.

против персов, которую предпринял император Диоген; в своем неудержимом стремлении Алексей раздражался угрозами по адресу варваров и говорил, что в битве напоит меч их кровью»¹⁴. Анна называет сельджуков «персами» (*κατὰ Περσῶν βαρυτάτην ἄγουντι στρατιάν*), хотя благодаря «Запискам» мужа, Никифора Вриенния, принцесса должна была знать о кочевом происхождении завоевателей. Здесь, безусловно, сказывалась страсть принцессы архаизировать современные этнонимы, хотя Анна действительно могла принципиально не делать разницы между служившими сельджукским султанам тюркскими гулямами и иранскими дехканами. В период создания «Алексиады» (1140-е гг.) культурная иранизация Румского султаната была завершена.

Никифор Вриенний, писавший «Записки» незадолго до своей кончины в 1137 г. и не завершивший свой труд, впоследствии продолженный Анной, кратко излагает предысторию сельджукских завоеваний: «Но сначала нужно рассказать по порядку, кто такие турки, откуда они первоначально вышли и как потом стали соседями римлян. Первоначально они жили на севере, по ту сторону Танаиса и Босфора, недалеко от Кавказских гор. Этот народ издавна независимый, питавшийся молоком, многолюдный и весьма воинственный, никогда не был поработен никаким другим народом. Когда Персия покорена была сынами Агари и владычество сарацинов простерлось не только на Персию, Мидию, Вавилон и Ассирию, но и на Египет, Ливию и немалую часть Европы, и когда за тем потомки Агари, восставая одни против других, разделили огромное свое царство на многие меньшие, — из которых одно досталось одному, другое другому, что ввергло этот народ в междоусобные войны: тогда сын Иамвраила, Магомет, бывший вождем персов, мидян и мавританцев (во дни царствования Василия) и воевавший с индийцами и вавилонянами, заметив, что его дела идут безуспешно, счел нужным отправить посольство к предводителю гуннов и просить у него помощи, а для успеха посольства, отправил к нему с послами

¹⁴ Annae Comnenae Alexias / Hrsg. von D. R. Reinsch, A. Kambylis. CFHB 40. 1. Berlin; New York, 2001. Bb. 1. S. 11; *Анна Комнина*. Алексиада / Пер. с древнегреч., комм. Я. Н. Любарского. СПб: Алетей, 1996. С. 56–57.

и дорогие подарки. Послы возвратились и привели с собой три тысячи воинов, имевших своими предводителями Странголипа и Мукалета, сына Макеила...»¹⁵

Никифор Вриенний, подражая Константину Багрянородному, называет сельджуков то «турками» (Τούρκοι), то «гуннами» (Οὐννοί), явно желая подчеркнуть родство объединенных Сельджукидами огузских племен с давно известными византийцам мадьярами (венграми). Эти племена (как когда-то и мадьяры) обитали на севере, за Доном, Боспором Киммерийским и Кавказом. Но как отмечал Страбон, в эпоху эллинизма географы (подхалимы Александра Великого) часто подразумевали под Танаисом не Дон, но Сырдарью или Амударью, в то время как Кавказом называли Гиндукуш¹⁶. По всей вероятности, Никифор Вриенний находился под влиянием географических представлений эллинистической эпохи и помещал огузов в районы, лежащие к северу от Сырдарьи и Гиндукуша. Вслед за античной литературной традицией (Геродотом, Страбоном, Аммианом Марцеллином) историк упоминает популярность у кочевников кумыса и подчеркивает их свободолюбие и непобедимость. Затем Никифор Вриенний кратко излагает историю арабских завоеваний VII–VIII вв., описывает распад Аббасидского халифата и возвышение державы тюркского правителя Махмуда Газневи (988–1030), сокрушившего владычество Саманидов в Хорасане и создавшего большую империю на Среднем Востоке в эпоху византийского императора Василия II (976–1025). После этого византийский историк упоминает договор между Газневидами и Сельджукидами (сыновьями Микаила), путая султана Махмуда Газневи с его преемником Масудом (1030–1040).

Принцесса Анна пропускает этнографический экскурс мужа и начинает жизнеописание своего отца с событий 1071 г. Анна, без сомнения, имеет в виду последний поход Романа IV Диогена против сельджуков Алп-Арслана (1063–1072/1072), который столь трагически завершился 25–26 августа 1071 г. на берегах озера Ван, под Манцикертом. Предусмотрительный

¹⁵ *Nicéphore Bryennio. Histoire / Ed. P. Gautier. CFHB 9. Bruxelles: Byzantion, 1975. P. 89–91.*

¹⁶ *Скрипник А. С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 205.*

Роман Диоген запретил юному Алексею участвовать в походе, так как мать Алексея Анна Далассина уже потеряла своего старшего сына Мануила — стратига восточных тагм, который, как отмечает Никифор Вриенний, воевал с сельджуками и умер в Вифинии от воспаления среднего уха. Уже первый эпизод из сознательной жизни Алексея Комнина, связанный с Романом Диогеном, побуждает подробнее рассмотреть военную и политическую ситуацию, вызвавшую походы этого императора в Каппадокию и Арменияк.

Богатый исторический опыт, накопленный Византийской империей в раннем Средневековье, на протяжении нескольких веков борьбы со степными кочевниками — гуннами, аварами, булгарами, а также с более цивилизованными народами — персами и арабами, оказался удивительным образом не востребован в тот момент, когда Византия в царствование императора Константина IX Мономаха (1042–1055) еще наслаждалась инерцией военно-политического величия, доставшегося в наследство от эпохи правления императора Василия II (976–1025), а на восточных границах уже показались полчища нового кочевого народа. Традиционно считалось, что сельджуки были близкими родственниками печенегов, уже хорошо знакомых василевсам ромеев с IX столетия¹⁷. В IX–X вв. на берегах Аральского моря происходила интенсивная концентрация и консолидация тюркских племен огузов, описанных в «Записках» Никифора Вриенния. Однако достоверное происхождение династии Великих Сельджукидов, объединившей эти племена, не выяснено до сих пор.

К сожалению, настоящая научная история сельджукских завоеваний в значительной степени еще не написана и представляется задачей будущих исследователей. Это обстоятельство связано с комплексом причин, среди которых следуют отметить слабую разработанность археологии ранних сельджуков, позднее происхождение основной массы письменных источников (XII–XVII вв.), а также методологическую тенденциозность ряда специалистов в области сельджукской истории. Работы мэтра тюркологии Клода Каэна (1909–1991)

¹⁷ Васильевский В. Г. Византия и печенеги (1048–1094) // ЖМНП. 1872. Ч. 164. Отд. II. С. 116–165, 243–332.

по истории сельджукских завоеваний во многом устарели. Этот автор был убежден в тюркском происхождении Сельджукидов вследствие излишнего доверия к сохранившейся письменной традиции и не мог исчерпывающим образом ответить на вопрос об этнокультурных причинах сельджукских завоеваний¹⁸. Как историк-марксист, он был склонен преувеличивать значение перехода части сельджукских племен под влиянием развития института икты к полуоседлому или оседлому образу жизни и видел в этом институте залог успеха сельджукской экспансии.

Поздние работы Р.А.Гусейнова отличаются явной модернизацией взгляда на исторические процессы, связанные с сельджукскими завоеваниями. Например, этот автор использует такое понятие, как «геополитическая система Евразии XI–XII вв.»¹⁹. В это понятие исследователь включает завоеванные сельджуками территории Закавказья. Подобный неологизм не только не способствует адекватному пониманию последствий сельджукского завоевания на территориях византийской Армении и Анатолии для проживавших на этих территориях армян или ромеев, но создает об этих последствиях превратное представление. Странно звучат слова Р.А.Гусейнова о том, что в середине XI в. Армения, название которой почему-то берется автором в кавычки, «определялась как географическое пространство в восточной Анатолии»²⁰. Как будто бы в составе Византийской империи, включившей в свой состав армянские государства, не существовало таких военно-административных единиц, как фема Тарон, фема-катепанат Васпуракан и, наконец, старинная фема Армениак. Эти византийские фемены не только географически располагались в Армении, но прежде всего обеспечивали существование христианской Армении как культурно-религиозного пространства. Поражение византийской армии в 1071 г. в битве при Манцикерте объявляется вышеупомянутым автором событием мирового масштаба, хотя современные византилисты убеждены в том, что действительное значение битвы при

¹⁸ Cahen C. Le Malik-nameh et l'histoire des origines seljukides. // Oriens II. (1949). P. 31–65; Cahen C. La Turquie pre-ottomane. Istanbul, 1988. P. 3–26.

¹⁹ Гусейн-Заде Р.А. Кавказ и Сельджуки. Баку, 2010. С. 62–82.

²⁰ Там же. С. 16.

Манцикерте позднее было серьезно преувеличено. Об этом свидетельствуют сравнительно мягкие для Византии условия договора между султаном Алп-Арсланом и пленным императором Романом IV Диогеном. Р.А. Гусейнов явно переоценивает военно-политические последствия сельджукских побед при Манцикерте в 1071 г. и Мириокефале в 1176 г., утверждая даже, что сельджуки подготовили падение Константинополя (в 1204 г.)²¹. При этом историк обходит молчанием поражение сельджуков при Филомелионе в 1116 г. и при Антиохии на Меандре в 1211 г., где никейский император Феодор I Ласкарис (1208–1221/1222) лично отсек голову иконийскому султану Кей-Хосрову I (1192–1196, 1205–1211). Ко всему прочему Р.А. Гусейнов делает настоящее «открытие». Оказывается, после поражения при Мириокефале император Мануил I Комнин (1143–1180) не отступил с поля боя, но «предпочел сдаться на милость победителя — конийского султана Килидж-Арслана II»²². Остается непонятным, почему тогда султан-победитель поторопился заключить с Мануилом мирный договор, условия которого были весьма благоприятными для византийцев. Об этом свидетельствует синхронный источник — письмо Мануила английскому королю Генриху II Плантагенету (1154–1189)²³. Нагло врать своему союзнику Мануил не мог, ибо его информацию было легко перепроверить через английских тамплиеров. Как показал Фердинанд Шаландон, после поражения при Мириокефале в распоряжении Мануила еще оставались сильные резервы, и это заставило султана-победителя пойти на переговоры²⁴.

Лучше всего основные проблемы, связанные с историей сельджукского завоевания, были освещены в работах С. Г. Агаджанова (1928–1997), который подробно описал

²¹ Гусейнов Р.А. Из истории отношений Византии с сельджуками (по сирийским источникам) // Палестинский сборник. Л., 1971. Т. 23 (86): Византия и Восток. С. 156–166.

²² Гусейн-Заде Р.А. Кавказ и Сельджуки. С. 188.

²³ Vasiliev A.A. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet // Byzantinsche Zeitschrift. 1929–30. № 29. S. 233–244.

²⁴ Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. II: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). Paris, 1912. P. 512.

процесс завоевания сельджуками Хорасана²⁵. Однако и публикации этого исследователя несвободны от досадных ошибок. В частности, С. Г. Агаджанов проявлял определенную небрежность там, где затрагивал проблемы отношений ромеев Малой Азии и сельджукских завоевателей. Историк Никита Хониат, описавший эти отношения, получает в изложении С. Г. Агаджанова имя Никифор²⁶, по всей видимости, из-за того, что автор просто перепутал Никиту Хониата с Никифором Вриеннием. Причину взятия Никеи Сулейманом ибн Кутулмышем С. Г. Агаджанов видит в «в междоусобных раздорах в империи при Алексее Комнине», дату воцарения которого автор приводит с ошибкой в три года²⁷. При этом в действительности приход к власти Алексея Комнина привел к прекращению гражданских войн в Византийской империи, а захват Никеи сельджуками во многом был предопределен событиями предшествующего царствования Никифора III Вотаниата.

Е. А. Мехмадиев в рецензии на нашу книгу «Император Алексей I Комнин и его стратегия», опубликованную в 2020 г., подверг критике высказанное нами предположение о том, что династия Великих Сельджукидов имела монгольское происхождение²⁸. С нашей точки зрения, эта критика неубедительна, ибо о монгольском происхождении этой династии свидетельствует целый ряд аргументов.

По образному выражению Клода Каэна, «как и во всякой семье, вышедшей из ничтожества, первые шаги Сельджукидов теряются для нас в ночи, которую пронизывают только очень редкие бессвязные указания, часто полулегендарного характера»²⁹. В. В. Бартольд (1869–1930), основываясь

²⁵ Агаджанов С. Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. С. 28–70.

²⁶ Там же. С. 87.

²⁷ Там же. С. 96.

²⁸ Мехмадиев Е. А. Между Востоком и Западом: внешняя политика и военная доктрина византийского императора Алексея I Комнина в трактовке новейшей российской историографии (о монографии Андрея Юрьевича Митрофанова «Император Алексей I Комнин и его стратегия») // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 258–263.

²⁹ Cahen C. Le Malik-nameh et l'histoire des origines seljukides // Oriens II. (1949). P. 31.

на сведениях автора XI в. Махмуда Кашгарского, на сохранившихся фрагментах «Малик Наме» и на свидетельствах позднего автора XVII в. Абу-л-Гази, полагал, что родоначальник Сельджукидов — Сельджук-бей и основная масса подвластных Сельджукидам огузских племен произошла от тюркского царствующего уруга кынык³⁰. Эту точку зрения разделял также С. Г. Агаджанов, который при этом утверждал, что в формировании сельджукского племенного объединения приняли определенное участие и кипчакские племена³¹. Подобное предположение имеет весьма важное значение с точки зрения гипотезы о монгольском происхождении Сельджукидов, ибо участие монгольского суперстрата в половецких (кипчакских) завоеваниях в XI–XII вв. в настоящее время представляет собой доказанный факт³². Возможно, именно сохранение монгольских племенных традиций половецкой знатью со временем позволило уцелевшим представителям кипчакской элиты найти свое место в созданной Чингизидами Монгольской империи³³.

По всей видимости, еще в эпоху Западного Тюркского каганата, в VII в., предки племени кынык вторглись в Приаральские степи из Семиречья и завоевали пастбища, где кочевали всадники из племени канглы (возможно, родственники печенегов). Эти пастбища еще в античную эпоху принадлежали далеким предкам Канглы — сако-массагетским ираноязычным племенам, которые в период III–II вв. до Р. Х. образовали Кангуй, Парфянское царство и Кушанскую империю.

³⁰ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского / Отв. ред. С. Е. Малов. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 69; *Махмуд ал-Кашгари*. Диван лугат ат-турк / Пер. с арабского З. — А. М. Ауэзовой. М: Дайк-Пресс, 2005; *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 90–96.

³¹ Агаджанов С. Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991. С. 19–28.

³² *Голден П.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ. 2004. С. 103–134.

³³ *Голден П.* Формирование куман-кипчаков и их мира // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. 10. С. 458–480; *Горелик М. В.* Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 127–186.

Талантливый военный разведчик и востоковед, полковник Генерального штаба (впоследствии генерал от инфантерии) Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918) отмечал культурное значение тохаров, саков юэчжи, кангюйцев и азиатских гуннов для развития Кашгарии в последующие столетия³⁴. Как предполагали В. В. Бартольд и С. П. Толстов, племена канглы и кынык приняли участие в ассимиляции тех немногочисленных остатков сако-массагетских племен, которые уцелели после столкновений с ранними волнами тюрко-монгольских кочевников — с гуннами, эфталитами, аварами и древними тюрками Ашина в IV–VI вв.³⁵

Проблема происхождения гуннов в свете новейших археологических исследований требует коренного пересмотра. Современный исследователь С. Г. Боталов приходит к выводу о том, что гунны Южной Сибири и Урала были тесно связаны с сарматской материальной культурой, и предполагает, что гунны разговаривали на исчезнувшем индоиранском наречии, сохранившемся в степях Восточного Туркестана и Монголии в начале первого тысячелетия нашей эры³⁶. Предположение С. Г. Боталова находит подтверждение в работах лингвистов, например Я. Харматта и П. Голдена, по мнению которых гунны, а позднее даже тюрки Ашина VI в., говорили на восточноиранском языке, близком к хотано-сакскому наречию³⁷. Даже сторонники прототюркского происхождения гуннов признавали, что гуннский двор во времена Аттилы испытал мощное культурное влияние Сасанидского двора, а титул Аттилы представлял собой копию титула иранских

³⁴ Корнилов Л. Г. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1903. С. 3–4.

³⁵ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 213–219.

³⁶ Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2009. С. 171–308.

³⁷ Harmatta J. History of Civilizations of Central Asia. Vol. II: The Development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris, 1994. P. 485–493; Golden P. Some Thoughts on the Origins of the Turks and the Shaping of the Turkic Peoples // Contact and Exchange in the Ancient World. Honolulu, 2006. P. 142.

шахиншахов³⁸. Подобное обстоятельство может найти объяснение только в том случае, если допустить существование в IV–VI вв. общего иранского культурного пространства, делавшего возможным устойчивое влияние Сасанидского Ирана в степях Турана, то есть на тех территориях, которые контролировались эфталитами и гуннами. Ираноязычные гуннов и их связь с сарматской материальной культурой позволяют сдвинуть хронологию этногенеза тюркских народов на более поздний срок (VI–VII вв.), что не исключает того обстоятельства, что первые прототюркские племена вторглись в Восточную Европу уже в 463 г.³⁹ Указанные обстоятельства заставляют современных исследователей поставить под сомнение традиционные представления о доминировании тюркских племен в евразийских степях на заре Средневековья и пересмотреть некоторые прежние предположения о масштабах тюркской гегемонии в этот период.

Гипотеза В. В. Бартольда, по-видимому, верно определявшего этническую принадлежность основной массы кочевых племен, подвластных сельджукским султанам, вызывает сомнения, когда речь заходит об истории происхождения династии Великих Сельджукидов, сельджукской аристократии и о причинах ее выдающихся военно-политических успехов. Действительно, почему сельджуки сумели добиться того, чего до них не могли добиться ни храбрые дахи Аршака, ни гунны Баламбера, ни тюрки Ашина? И почему именно сельджуки в течение одного поколения создали империю, объединившую государства Ближнего и Среднего Востока на огромных пространствах — от островов Эгейского архипелага до гор Памира? Почему сельджуки смогли покорить развитые мусульманские государства Передней Азии, а их ближайшие родственники печенеги проиграли в борьбе против Византийской империи, Киевской Руси и половецких ханов? Почему экспансия половцев сопровождалась консолидацией

³⁸ *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. B. 5. Niedergang und Nachfolge. Berlin, 1962. S. 193–242; *Шувалов П. В.* У истоков средневековья: двор Атилы // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2001. Вып. 3. С. 130–145.

³⁹ *Prisci Panitae Fragmenta* // *Fragmenta Historiarum Graecorum* / Hrsg. von Karl Muller. Paris, 1851. Vol. 4. P. 104.

половецких племен вокруг монгольской военной знати, например у токсобичей, а сельджуки воспринимаются исключительно как локальный огузский феномен? И не являются ли попытки свести историю возвышения Сельджукской династии к тем отрывочным сведениям о тюркском племени кынык и о ранней истории огузов, которые сохранились в письменных источниках, вследствие влияния на исторические исследования позднейшей политической конъюнктуры? Здесь мы вынуждены сделать небольшое отступление и кратко рассмотреть состояние отечественного номадоведения в XX в.

В период Гражданской войны (1917–1922) на окраинах России большевики активно делали ставку на инородцев, используя инородческие формирования в борьбе против русского офицерства, казачества и немногочисленной местной аристократии, связанной с русской имперской администрацией. К числу наиболее известных инородческих формирований РККА принадлежали, в частности, латышские стрелковые дивизии, эстонская советская дивизия, первая ударная советская шариатская колонна на Северном Кавказе, башкирская отдельная кавалерийская дивизия, наконец, немало инородцев было задействовано в войсках советского Туркестанского фронта. Против этого оперативно-стратегического объединения советских войск в 1919 г. сражалась Западная армия генерала от артиллерии Михаила Васильевича Ханжина (1871–1961) из состава русской армии Верховного правителя адмирала Александра Васильевича Колчака (1874–1920). После окончания Гражданской войны советская партийная номенклатура, расчлняя завоеванную территорию России на советские социалистические республики, продолжала делать ставку на так называемые «национальные кадры». Национальные партийные кадры активно формировали в 1920-е годы новую местную идентичность, для чего нуждались в написании местных историй.

После образования в 1924 г. Туркменской ССР вся история Закаспийской области бывшей Российской империи интерпретировалась с точки зрения подготовки к рождению советской Туркмении. В 1939 г. под эгидой Института востоковедения Академии наук СССР вышел двухтомник под названием «Материалы по истории туркмен и Туркмении»

под редакцией С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, объединявший переводы ценнейших арабских и персидских средневековых источников по истории Западного Туркестана. Книга посвящалась «светлой памяти Серго Орджоникидзе — верному соратнику Ленина-Сталина, непоколебимому проводнику ленинско-сталинской национальной политики». Как само название сборника, так и его пафосное посвящение свидетельствовали о том, что все исторические процессы, происходившие на указанной территории, будут трактоваться как часть истории новой социалистической общности — народа советской Туркмении. Теория Н. Я. Марра (1864–1934) об автохтонности этносов и языков после одобрения Сталиным приобрела в советской исторической науке характер очередного догмата. В таких условиях любые попытки интерпретировать сведения средневековых источников вне заданной концепции обрекались на заведомую неудачу, а специальные исследования истории монгольских кочевых государств, существовавших на территориях Средней Азии, откровенно не приветствовались. Происходило это отчасти оттого, что марксистские теоретики от истории всегда тяготели к минимизации значения кочевых культур и к преувеличению значения культур оседлых, так как на завоеванных территориях кочевники, как правило, формировали знать — эксплуататорские классы, в то время как производительные силы состояли из автохтонов, эксплуатируемых пришлой кочевой верхушкой. В случае, если речь шла об исследовании взаимоотношений монголов и других кочевых племен, прежде всего тюркских, предпочтение отдавалось последним, так как в 1920-е годы именно тюркские племена объединялись советской партийной номенклатурой в новые титульные нации и получали от большевиков фиктивную «государственность». Именно поэтому советский академический официоз старался всячески нивелировать роль собственно монголов даже в завоевательных походах Чингисхана и его преемников. В частности, как справедливо отмечал М. В. Горелик (1946–2015), советские историки переоценивали роль кипчаков в западном походе Батыя несмотря на то, что источники определенно свидетельствуют, что главной ударной силой Бату-хана были именно монгольские

тумэны, а монгольская племенная номенклатура полностью вытеснила тюркскую в Восточной Европе после монгольского завоевания⁴⁰.

Однако существовала и еще одна причина минимизации советской наукой роли монгольских племен в истории степных цивилизаций раннего Средневековья. Причина эта носила исключительно политический характер. Исследования средневековой истории монголов длительное время находились под подозрением советских идеологов, жертвой которых, в частности, был Л. Н. Гумилев (1912–1992). В исследованиях монгольских древностей советские идеологи усматривали следы «панмонголизма» — политического движения, на которое пытались опираться вожди Белого движения на Дальнем Востоке, в частности атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенант Григорий Михайлович Семенов (1890–1946) и начальник Азиатской конной дивизии, генерал-лейтенант Роман Федорович фон Унгерн Штернберг (1885–1921). Атаман Семенов писал стихи по-монгольски и переводил на монгольский язык Тютчева. Унгерн фон Штерберг защитил права монгольского Богдыгегена, принял буддизм и объявил себя эманацией тибетского божества. Одним из крупнейших специалистов в области средневековой монгольской истории был белоэмигрант Г. В. Вернадский (1887–1974) — видный идеолог евразийства, в 1920 г. возглавлявший отдел печати в Правительстве Юга России генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля (1878–1928). На первоначальном этапе, в 1920–1921 гг., в деятельности евразийского движения наряду с его главными идеологами князем Н. С. Трубецким (1890–1938) и П. Н. Савицким (1895–1968) принимали участие такие крупные русские интеллектуалы, как протоиерей Георгий Флоровский (1893–1979) и Л. П. Карсавин (1882–1952). И хотя с конца 1920-х гг. левое крыло евразийства превратилось в идеологический инструмент советской пропаганды

⁴⁰ Горелик М. В. Вооружение и военная организация войск Монгольской империи (первая половина XIII в.) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2015. № 8. С. 38–52; Горелик М. В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 127–186.

в среде белой эмиграции, а ряд левых деятелей евразийского движения: Д. П. Святополк-Мирский, С. Я. Эфрон, П. С. Арапов, В. А. Гучкова были завербованы ОГПУ, однако в самой Советской России евразийские идеи долго не приветствовались, ибо ортодоксальные марксистские идеологи евразийцам не доверяли. Выдающийся российский монголовед Б. Я. Владимирцов (1884–1931), принявший буддизм, «вовремя» скончался и не успел попасть под маховик большевистских репрессий, которые унесли жизни целой плеяды выдающихся синологов и японоведов: Н. А. Невского (1892–1937), Исоко Мантани-Невской (1901–1937), Е. Д. Поливанова (1891–1938), Д. В. Позднеева (1865–1937), Н. П. Мацокина (1886–1937) и других ярких представителей русского востоковедения.

В 1920-е годы, в период, когда активно продолжалась академическая карьера В. В. Бартольда — русского ученого-востоковеда, превратившегося в советского спеца, и когда происходило творческое становление археолога С. П. Толстова (1907–1976) — бывшего кадета Оренбургского кадетского корпуса, племянника генерал-лейтенанта Владимира Сергеевича Толстого (1884–1956), последнего атамана Уральского казачьего войска и командующего Уральской Отдельной армии, — советская историческая наука существовала под идеологическим гнетом марксизма-ленинизма. Поэтому любые исследования, связанные с историей древнехорезмийской цивилизации или древних тюркских племен, неизбежно рассматривались в советских академических учреждениях как увертюра к истории советской Туркмении. В подобных условиях для постановки масштабных научных проблем не оставалось места.

Между тем проблема участия ранних монгольских племен в этногенезе тюркских кочевников раннего Средневековья принадлежит именно к числу таких проблем. Ярким примером этому может служить история изучения проблемы аварского этногенеза. Если Л. Н. Гумилев на основании сообщений Феофилакта Симокатты вслед за М. И. Артамоновым утверждал, что авары, создавшие каганат в Европе, были

«псевдо-аварами» уархонитами⁴¹ и к монголам отношения не имели, то современные исследования номадоведов и лингвистов, в частности С. Г. Кляшторного, Е. А. Хелимского, Питера Голдена, свидетельствуют о том, что авары — создатели Аварского каганата были связаны с Рураньским каганатом, с маньчжурскими племенами или с монгольским племенем ухуань, отступавшим на запад после падения Рураньского каганата⁴². А сообщение Феофилакта Симокатты о «псевдо-аварах» — уархонитах следует интерпретировать как результат влияния на византийского историка тюркской пропаганды, почерпнутой им из дипломатической переписки тюркского хана с императором Маврикием (582–602). В более поздние времена присутствие сильного монгольского элемента засвидетельствовано у половцев. В историографии существует точка зрения, исходя из которой куны или токсобичи включали в себя сильный монгольский суперстрат, преимущественно в среде военной знати. Изначально они представляли собой объединения монгольских родов и сформировались в районах, лежащих южнее озера Байкал, а затем, по мере наступления на запад, вбирали в себя тюркские кочевые племена⁴³.

Исследуя проблему происхождения династии Великих Сельджукидов и Сельджукской империи, закономерно задать вопрос: а располагали ли в действительности огузские кочевые племена Восточного Прикаспия в XI в. достаточно развитой военной организацией, необходимой для создания мировой империи? Утвердительный ответ на этот вопрос

⁴¹ Гумилев Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский Временник. М., 1965. Т. XXVI. С. 67–76.

⁴² Хелимский Е. А. Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология. Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов. Люблина, 15–21 августа 2003. Гамбург, 2003. С. 3–12; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней передней Азии. СПб., 2005. С. 44–48; Golden P. Some notes on the Avars and Rouran // The Steppe Lands and the World beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday. Iasi, 2013. P. 43–66.

⁴³ Бибииков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 2001. С. 199–264; Арабаев Е. И., Ильясов С. И. Материалы по истории и экономике Киргизии. Изд-во АН Киргизской ССР, 1963. С. 78; Евстигнеев Ю. А. Исчезнувшие этносы (краткий этно-исторический справочник). СПб., 2005. С. 23.

может быть дан только при помощи привлечения монгольских древностей.

Очевидно, начало сельджукских завоеваний во второй четверти XI в. представляло собой не изолированное событие, ставшее следствием спонтанной консолидации огузов вокруг своего племенного вождя, а напротив, являлось военным ответом огузов на внешний исторический вызов, заключавшийся в истребительной экспансии Киданьской империи Ляо в Монголии и Восточном Туркестане. Железная Империя Ляо, заимствовавшая достижения китайской цивилизации, но сохранившая степные политические традиции, в частности традицию женского правления, заставила массы непокорных киданям монгольских и кипчакских племен отступать на запад через степи Южной Сибири и Приуралья⁴⁴. Это могло спровоцировать консолидацию огузов вокруг клана Сельджука и их миграцию в Хорасан.

Некоторые этнографы на основании изучения «Сокровенного сказания» монголов допускали, что по крайней мере сельджукская военная знать изначально была связана с монгольскими ханами племени салджиут, обязанного своим происхождением легендарной ханше Алан-гоа. Салджиуты кочевали в раннем Средневековье на территориях Прибайкалья, а также вдоль юго-западных притоков Ангары⁴⁵. Как предполагал Г. В. Вернадский, фольклорный образ Алан-гоа, зафиксированный в XIII в. в «Сокровенном сказании» монголов, мог быть связан с исторической памятью о древних аланах, то есть о сакских племенах, которые принимали участие в этногенезе монголов или, во всяком случае, запечатлелись в древнейшей монгольской эпической традиции. Одним из дополнительных аргументов в пользу предположения о монгольском происхождении династии Великих Сельджукидов может быть то обстоятельство, что основатель династии Сельджук и его сын Микаил были христианами. Христианство в несторианской форме было распространено среди ранних монгольских племен, и, как отмечал Г. В. Вернадский,

⁴⁴ *Lin Hang*. *Empresses Dowagers on Horseback: Yingtian and Chengtian of the Khitan Liao (907–1125)* // *Acta Orientalia Hungarica*. 2020. Vol. 73. N. 4. P. 585–602.

⁴⁵ *Bloch E.* *Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din*. Leyden; London, 1910. P. 303.

предание из «Сокровенного сказания» о чудесном рождении сыновей Алан-гоа могло опираться на фольклорную интерпретацию монголами евангельского рассказа о Благовещении Пресвятой Богородицы⁴⁶. Возможно, ранняя сельджукская аристократия имела родственные связи с ханами найманов или керейтов, которые исповедовали христианство в несторианской форме и периодически контролировали степи Семиречья⁴⁷. Несторианские священники окружали ставку первых преемников Чингисхана в Каракоруме, а также пользовались покровительством Батыея⁴⁸. Как отмечал выдающийся монголовед Б. Я. Владимирцов, опираясь на «Сокровенное сказание» и сочинение персидского историка эпохи Ильханов Рашид-ад-дина, впоследствии Чингизиды в соответствии с нормами обычного права могли брать в жены девушек из рода Салджиутов, ибо Чингизиды происходили от младшего сына Алан-гоа Бодончара, тогда как Салджиуты — от ее четвертого сына Букату-Салджи⁴⁹.

Известный тюрколог А. Н. Кононов (1906–1986), ссылаясь на монголоведа Б. Я. Владимирцова, обосновал монгольское происхождение Сельджукидов при помощи данных лингвистики: «Заманчиво сопоставить это имя с названием монгольского рода *Салджиут*... Это слово состоит из основы *салджи* (входившей составной частью в имя Букату-Салджи, среднего сына Алан-гоа, легендарного родоначальника *салджиутов*; см. Рашид-ад-дин, т. 1. кн. 1. стр. 178) + показатель монгольского множественного числа *-ут*, которому в тюркских языках соответствует аффикс *-к* (< кун?): *салджи* + *ут* = *салджи* + *к* ‘потомки Салджи’. Таким образом, элемент личного имени (*салджи*) превращается в форме множ. ч. (*салджик*) в этноним, а последний — в личное имя,

⁴⁶ Сокровенное сказание монголов. Великая Яса. М., 2016. С. 13–15; Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 2000. С. 46–53.

⁴⁷ Asim N. Türk Tarihi. Istanbul, 1898. P. 244–245; Агаджанов С. Г. Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии // Тюркологический сборник. М., 1970. С. 192–207.

⁴⁸ Гумилев Л. Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., Наука, 1977. С. 484–502.

⁴⁹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1934. С. 47.

которое в свою очередь превращается в племенное название (*салджик-и* «сельджукиды»)»⁵⁰.

Другим аргументом в пользу монгольской теории происхождения Сельджукидов — помимо чисто лингвистического (Салджиут/Сальджик/Сельджук) — является антропологический анализ памятников сельджукского изобразительного искусства, созданных в эпоху Империи Великих Сельджукидов (XI–XII вв.) и сохранившихся в Иране и Средней Азии. Значительная часть этих памятников была представлена в 2016 г. в Нью-Йорке, в Метрополитен-музее, на выставке под названием «Двор и космос. Великий век сельджуков»⁵¹. Сельджукские памятники — в частности, стелы с изображением воинов, характерные для многих тюрко-монгольских кочевых культур раннего Средневековья, росписи на керамической посуде, статуэтки и изображения султанов, например Тогрул-бека и Малик Шаха, — фиксируют ярко выраженные антропологические признаки принадлежности сельджукской знати, сельджукской военной элиты к монголоидной расе, к которой не принадлежат ни огузы (туркмены), ни завоеванные сельджуками представители фергано-памирской расы Хорасана. Изваяния воинов (стелы) изображают монгольских воинов в характерных киданьских ламелярных доспехах. Некоторые воины носят нательные кресты, что является важным признаком их культурно-религиозных связей с монгольскими племенами XI–XII вв., исповедовавшими несторианство. Наличие в массе огузских племен, подвластных Сельджукидам, господствующего монгольского суперстрата, подтверждается не только памятниками изобразительного искусства, но и некоторыми нормами обычного права сельджуков.

Дробление державы Великих Сельджукидов, начавшееся уже при преемниках Мелик-шаха (1072–1092), находит закономерное объяснение с точки зрения лестничной системы наследования улусов, которая была отличительной чертой

⁵⁰ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского / Отв. ред. С. Е. Малов. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 102; Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова; под ред. А. А. Семенова. Т. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1952. С. 178.

⁵¹ Canby S. R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A. C. S. Court and Cosmos. The Great Age of the Seljuqs. New York, 2016. P. 2–15.

древних тюрков Ашина и Чингизидов и которая, по всей видимости, существовала также у Сельджукидов, но отсутствовала в системе наследования тюрко-иранских династий XI–XII вв. — Газневидов, Эйюбидов, Ануштегинидов. Как для Сельджукидов, так позднее и для Чингизидов в равной степени был характерен правовой дуализм, который предполагал, что князь, хан или султан, принадлежащий к верховному роду, заимствует титул правителей покоренной территории и одновременно остается вождем для своих воинов. Вожди сельджуков приняли титул «шахиншаха» и «султана ислама», оставаясь князьями для своих соплеменников. Точно так же в XIII в. будут действовать Чингизиды — создатели государства Ильханов в Иране и Империи Юань в Китае. Разница между ними заключалась лишь в позиции, занятой по отношению к халифату Аббасидов. Сельджуки, уже принявшие ислам к моменту завоевания Ирака, оказали почести халифу, после взятия Багдада признали его духовным владыкой уммы, а Чингизиды, бывшие либо язычниками-тенгрианами, либо несторианами, зная, вероятно, драматическую историю правления Сельджукидов в Ираке, халифа и весь его род умертвили. С этой точки зрения досадна ошибка Г. Г. Литаврина, назвавшего Тогрул-бека «багдадским халифом» и пытавшегося объяснить титулование султана сельджуков в трудах Катакалона Кекавмена и Михаила Атталиата как «василевса персов» традиционной архаизацией этнонимов в византийской исторической литературе⁵². Тогрул-бек не был халифом Багдада, и его титулование как «василевса персов» византийскими современниками было связано с тем, что завоеватели-сельджуки действительно считались шахами Ирана в официальной титулатуре и в персидской политической публицистике XI в., например в «Сиасет-намэ» Низам аль-Мулька (1018 или 1019/20–1092), который подробно описывает на страницах этого сочинения чиновный аппарат созданной сельджуками государственности⁵³.

⁵² Катакалон Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века / Пер. с древнегреч., комм. Г. Г. Литаврина. СПб: Алетейя, 2003. С. 373.

⁵³ Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер. с персидского и прим. Б. Н. Заходера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 24–33.

Современный исследователь А. Пикок следует сообщениям арабо-персидской историографии, на которые опирался В. В. Бартольд. С его точки зрения, сельджуки были связаны с огузской военной знатью Хазарского каганата⁵⁴, которая после окончательного упадка каганата на рубеже X–XI вв. в поисках новых владений устремилась на юг — в Хорезм и Хорасан. Интенсивные брачные связи, существовавшие между византийскими императорскими династиями (Ираклидами и Исаврийцами) и семьями хазарских каганов в VIII в., сменились после обращения каганов в иудаизм открытой враждой⁵⁵. Это обстоятельство, по-видимому, побуждало каганов искать новых союзников среди кочевых племен Центральной Азии. Данная точка зрения свидетельствует в пользу монгольского происхождения сельджукской военной знати, так как монгольские предки Сельджука могли вступать в договорные отношения с хазарскими каганами, брать в жены тюркских княжон, а основную массу сельджукских вооруженных сил в любом случае составляли тюркские воины из огузов. Завоевание сельджуками Анатолии после 1071 г. создавало предпосылки для будущей ассимиляции тюркскими переселенцами греческого населения этого региона, а новые потоки туркменских племен, мигрировавших по маршрутам, которые были проложены сельджуками в XI в., в итоге привели к появлению в конце XIII в. Османского государства.

Гипотеза о монгольском происхождении династии Сельджукидов может быть также обоснована рядом фактов из истории Киданьской империи Ляо, созданной императором киданей Абаоцзи 耶律阿保機 (907–926) в монгольских

⁵⁴ Peacock A. C. S. *Early Seljūq History: A New Interpretation*. London; New York. 2010. P. 16–46; Peacock A. C. S. *The Great Seljuk Empire*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015.

⁵⁵ Mitrofanov A. Y. The Lord's gift transformed into a tiger. A hypothesis regarding the fate of the Empress Theodora of Khazaria (705–711) // *Byzantinische Zeitschrift*. 2023. Vol. 116 (1). S. 127–146; Mitrofanov A. Y. La princesse Čičäk et le soi-disant imposteur Tiberius // *Byzantinische Zeitschrift* 2024. Vol. 117 (1). S. 169–182 ; Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* (2001). Вып. 8. С. 312–333.

степях и Маньчжурии⁵⁶. Тяжелая конница киданей, обладавшая хорошим оборонительным вооружением, была непобедима в монгольских степях вплоть до возвышения чжурчженей в первой половине XII в. Военное дело киданей, вероятно, оказало влияние не только на чжурчженей, но и на тюркских кочевников⁵⁷. Возвышение рода Сельджука среди многочисленных тюркских ханов может быть объяснено исключительно мощным военным потенциалом сельджукской орды, истоки которого, вероятно, следует искать в более широких процессах, связанных с началом экспансии монгольских племен в Центральной Азии в X–XI вв., в частности с киданьской военной и культурной экспансией. Беспощадный террор киданей, направленный против непокорных монгольских племен, мог быть прямой причиной появления беглеца Сельджука — одного из ханов племени салджиут в огузских степях.

С чего же начинается политическая история сельджуков? Во второй половине X в. Сельджук († 1038), бывший, согласно официальной тюркской генеалогии, сыном Токака из рода Тугшермыша, служил огузскому ябгу и, возможно, также хазарским каганам. Подлинная биография Сельджука овеяна легендами, которые были запечатлены в «Малик Наме» — утраченном эпическом памятнике, написанном в XI в. на персидском языке (возможно также, что первоначальная редакция этого произведения была написана по-арабски). Фрагменты этого эпического произведения сохранились в сочинении Мирхонда (1433–1498), придворного

⁵⁶ *Е Лун-ли*. История государства киданей (Цидань Го Чжи) / Пер. с китайского и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 41–54; История Железной империи / Пер. с маньчжурского и ком. Л. В. Тюрюминой, отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. С. 43–57.

⁵⁷ *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Развитие защитного вооружения у чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего средневековья и раннего нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2003. С. 66–212; *Бобров Л. А.* Киданьский шлем из Забайкальского краеведческого музея // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 75–79; *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.

историка Тимуридов⁵⁸. Сельджуку удалось установить контроль над огузским племенем кынык и стать его вождем, основав династию⁵⁹. Так родились сельджуки — народ, очень скоро ставший завоевателем Среднего и Ближнего Востока. По одной из версий, приведенных Мирхондом, в ставке огузского ябгу Сельджук стал сю-баши, то есть верховным главнокомандующим, но затем навлек на себя ненависть любимой жены ябгу из-за того, что уселся в юрте ябгу возле него самого, отгеснив его женщин и детей. Жена ябгу обвинила Сельджука в непомерной гордыне, и он вынужден был бежать со своим племенем на юг, к границам Хорасана. В основе рассказа Мирхонда явно лежит эпический сюжет. Как же тут не вспомнить сказание о Сиявуше, который бежал в Туран от преступной любви своей мачехи Судабе, пересказанное Абулькасимом Фирдоуси (935–1020/25) на страницах «Шахнаме»⁶⁰? Фирдоуси воспользовался в данном случае старинным источником. По всей вероятности, этим источником был какой-то утраченный парфянский «рыцарский» роман, содержавший сюжеты еще более древнего массагетского эпоса. Рассказ о Сельджуке из «Малик-Наме», переданный Мирхондом, представляет собой лишь позднюю литературную вариацию сказания о Сиявуше. Любовная страсть Судабе к Сиявушу заменена здесь страстью ненависти жены ябгу к Сельджуку, которая вполне могла быть изнанкой неразделенной любви. В действительности же реальный Сельджук во главе своей монгольской орды Салджиутов мог просто переманить на свою сторону огузские кочевые кланы, которые не желали более служить ябгу и ушли вместе с Сельджуком на новые пастбища.

⁵⁸ Mirchondi Historia Seldschukidarum / Hrsg. von M. K. M. Khvand, J.A. Vullers. Giessen, 1838. P. 1–5; Cahen C. Le Malik-nameh et l'histoire des origines seljukides // Oriens II. (1949). P. 31–65; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л., 1939. С. 450–454.

⁵⁹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 90–96.

⁶⁰ Фирдоуси. Шахнаме. От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина / Пер. с персидского Ц. Б. Бану-Лахти, комм. А. А. Старикова. М: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. Т. 2. С. 118–174.

По другой версии, приведенной тем же Мирхондом, Сельджук служил не ябгу, а Хазарскому каганату. Рассматривая эту версию, мы можем предположить, что Сельджук отложился от каганата после разгрома хазарской столицы Итиля в 965 или же в 968/969 гг. варягами Киевского князя Святослава Игоревича, после чего ушел в степи к берегам Аральского моря. Различные варианты биографии Сельджука, сохранившиеся в источниках, свидетельствуют о мифологизации его образа уже в тюркской и персидской историографии периода сельджукских завоеваний (в первой половине XI в.). За этой мифологизированной биографией, созданной придворными тюркскими и персидскими авторами — мусульманами, по всей видимости, скрываются происхождения беглого монгольского хана Салджиутов, несторианина по вере, который, подобно Тимучжину, потерял все и после поражения от киданей оказался на краю гибели, но затем смог завоевать авторитет в огузской кочевой среде.

Сельджук скончался около 1038 г. в Дженде — древнем городе на правом берегу Жандарьи, впоследствии, в 1220 г., дотла разоренном монгольскими тумэнами Джучи. Сын Сельджука по имени Микаил († 1009), как и отец, был христианином несторианского исповедания. Но сыновья Микаила и внуки Сельджука: Мухаммад Тогрул-бек и Чагры-бек Дауд сознательно приняли ислам, мечтая начать военную экспансию на территориях мусульманского Хорасана. Внуки Сельджука покинули окрестности Дженда вместе со своими ордами и в начале 1030-х гг. попросились на службу к султану Масуду (1030–1040), правителю обширной Империи Газневидов. Владения Газневидов охватывали Хорасан, часть Ирана и Западную Индию. Как следует из источников — в частности, из сохранившихся фрагментов «Малик-Наме» и из сочинения Мирхонда, придворного историка Тимуридов, — уже в начале 1030-х гг. отряды сельджуков совершили набег на территорию Армении и Азербайджана⁶¹. Никифор Вриенний, опиравшийся отчасти на сведения византийской разведки, отчасти же на античную литературную традицию, утверждает,

⁶¹ Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н. К истории тюркских набегов на Армению в XI веке // Палестинский сборник. М.; Л., 1976. Вып. 13 (76). С. 144–158.

что братья Сельджукиды Странголип и Мукалет (Тогрул-бек и Чагры-бек Дауд) поступили на службу к предшественнику Масуда, султану Махмуду Газневи (998–1030), воевали вместе с ним против арабов и готовились к походу в Индию, но (подобно сакским наемникам на службе у древних парфянских царей) взбунтовались⁶². Однако, как следует из дальнейшего изложения, Никифор Вриенний путает Махмуда и его преемника Масуда. Опасаясь потери Хорасана, Масуд начал против сельджуков войну. Но 23–25 мая 1040 г. сельджуки нанесли сокрушительное поражение армии Масуда в битве при Данданакане Мервском.

Участник сражения, персидский историк Абу-ль-Фадль Байхаки (ок. 995–1077) оставил яркое описание этого побоища: «Знамен Тогрула, Ябгу и Дау-да нигде не было видно. Говорили, они находятся в сторожевом полку, выдвинули вперед всех самых отборных вояк, а сами стоят наготове, дабы ежели что-либо случится, уйти вслед за обозом. Вследствие больших трудностей, кои были в этот день, [неприятель] не сумел преградить путь нашим людям, и они бились хорошо»⁶³. Отмеченная историком деталь, связанная с диспозицией сельджукских войск, весьма характерна. Очевидно, что князья-Сельджукиды берегли главные силы, вероятно монгольские отряды Салджиутов, в сторожевом полку, бросив в атаку подвластных огузов, которых Абу-ль-Фадль называет «самыми отборными вояками». Подобная тактика использования центральноазиатскими кочевниками так называемых бефульков — воинов-рабов была известна со времен Аварского каганата вплоть до эпохи Чингизидов.

Измена туркменской конницы, служившей прежде Газневидским султанам, решила исход дела в пользу сельджуков. Конница сельджуков, быстрая и маневренная, идейно мотивированная и преданная своим командирам, наголову разбила полчища Газневидов, которых не спасли ни индийские слоны, закованные в доспехи, ни латная конница хорасанских дехканов. Гвардия Масуда последней отходила с поля сражения.

⁶² *Nicéphore Bryennio*. Histoire / Ed. P. Gautier. CFHB 9. Bruxelles : Byzantion, 1975. P. 91.

⁶³ *Абу-ль-Фадль Мухаммад ибн Хусейн аль-Байхаки*. История Масуда / Пер. с персидского А. К. Арендс. Ташкент, 1962. С. 446.

Рассказывает Абу-ль-Фадль: «Подходил разбежавшийся народ. По всей дороге мы проходили мимо брошенных кольчуг, лат, щитов и тяжелой клади. На рассвете слонов погнали быстрее. Я отстал и остановился. Вдали виднелись огни войскового стана. Поздним утром я доехал до замка Беркерд. Преследовавшие нас туркмены там отстали. Я ухитрился переправиться через речку Беркерд. Эмира я не застал, он уже отбыл в сторону Мерва»⁶⁴.

В ходе войны с Газневидами сельджуки взяли Нишапур, Балх и Герат, откуда бежал султан Масуд Газневи. После заключения мира с государством Газневидов восточной границей Сельджукской империи стал Индийский Кавказ или же Гиндукуш и некоторые сопредельные территории современного Афганистана. В 1042 г. Тогрул-бек завоевал Гурган (Гиркания) и Табаристан. В 1043 г. Чагры-бек, брат Тогрул-бека, покорил Кят, столицу Хорезма, и принял титул хорезмшаха. В 1045 г. сельджуки взяли Хамадан (Экбатана). В 1050 г. сельджукам сдался Исфahan (Аспандана), ставший впоследствии столицей Великих Сельджукидов. В 1055 г. Тогрул-бек завоевал Багдад и установил контроль над Ираком. Тогрул-бек принял титул «султана ислама» и принес присягу на верность Аббасидскому халифу Аль-Каим Биамриллаху (1001–1075), которого освободил от господства шиитов и на дочери которого женился⁶⁵. К 1060 г. сельджуками были завоеваны области Герата (Александрия Ариана), Балха (Бактрия) и Систана (Дрангиана). В 1046–1049 гг. сельджуки Тогрул-бека совершили конный рейд по территории Армении и Восточной Анатолии, перейдя границу Византийской империи⁶⁶.

Этот поход повторился в 1054 г., однако сельджуки потерпели поражение от византийской армии под командованием Катакалона Кекавмена в первой битве при Манцикерте. Окрыленный успехом император Константин IX Мономах (1042–1055) не придал сельджукской угрозе никакого значения, а один из преемников Константина Мономаха, император Константин X Дука (1059–1067), под предлогом экономии

⁶⁴ Там же. С. 448–449.

⁶⁵ *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 95–96.

⁶⁶ *Агаджанов С. Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад, 1973. С. 5–7.

средств расформировал войска, собранные в Армении, переложив оборону восточной границы и крепостей на плечи армянских нахараров — бывших подданных государства Багратидов⁶⁷. Эта стратегическая ошибка византийского правительства привела к непоправимым и трагичным последствиям. Ликвидация государства Багратидов и присоединение Великой Армении к Византийской империи при императоре Константине Мономахе в 1045 г. привела к исчезновению буферного государства, прикрывавшего с 886 г. восточную византийскую границу. Поглощение государства Багратидов способствовало созданию у византийского правительства опасной иллюзии централизованного контроля над восточными рубежами империи, охрану которых доверили теперь представителям местных властей — армянским нахарарам⁶⁸. Последний представитель династии Багратидов, царь Гагик II, поселился во внутренних областях Византийской империи, конфликтуя с представителями греческой церковной иерархии. Известен чудовищный эпизод, когда Гагик II приказал зашить в мешок и затравить собаками греческого православного митрополита, который критиковал перед отставным царем церковные обычаи армян. В то же время армянские князья были предоставлены сами себе. Данной ситуацией очень скоро воспользовались сельджуки.

Тогрул-бек — князь сельджуков, «шахиншах» и «султан ислама», создавший державу Великих Сельджукидов, умер 4 сентября 1063 г. Год спустя, в 1064 г., армянский историк Аристакес Ластиверци стал свидетелем разгрома сельджуками города Ани — бывшей столицы государства Багратидов. Завоеватели истребили практически все население города.

⁶⁷ *Michel Psellos*. Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Ed. E. Renauld. Paris, 1928. Т. 2. Р. 146; *Мохов А. С.* Военная политика Константина X Дуки // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Экономика. Политология. Информатика. Белгород, 2011. № 1 (96). С. 58–66.

⁶⁸ *Шагинян А. К.* Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб., 2011. С. 456–457; *Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М., 1988. С. 10–298; *Юзбашян К. Н.* Скилица о захвате Анийского царства в 1045 году // Византийский временник. 1979. Т. 40 (65). С. 76–91.

Впереди был Манцикерт⁶⁹. Позднее, по мере развития сельджукской экспансии, персидский язык стал языком двора сельджукских султанов, языком светской литературы и официального общения в огромной империи, границы которой к концу XI в. простирались от Мраморного моря до хребтов Памира и оазисов Хотана, подобно Сасанидскому Ирану времен Хосрова II Парвиза (591–628). Символом этой империи стали два смотрящих в разные стороны сокола (так называемый двуглавый сокол) — обычные атрибуты быта кочевой знати, которые, возможно, впоследствии повлияли на рождение византийского двуглавого орла Палеологов.

Эффективность сельджукской военной системы, которая, в частности, выражалась в существовании института уджи — пограничной засечной полосы⁷⁰, по всей вероятности, была обусловлена общим развитием воинского искусства кочевников в эту эпоху, прежде всего под влиянием непобедимых киданей⁷¹. Благодаря этому сельджуки сохраняли свое военно-политическое доминирование в Хорасане, Иране и Месопотамии вплоть до второй четверти XII в., то есть до тех пор, пока в 1141 г. орды основателя государства Западное Ляо, киданьского гурхана Елюя Даши 耶律大石 (1124–1142) не разгромили сельджукского султана Санджара (1118–1153) в битве при Катване (недалеко от Самарканда). По сообщению киданьской летописи, дошедшей до наших дней в переводе на маньчжурский язык, тела сельджукских воинов, павших в этой битве, покрывали пространство в несколько десятков ли (не менее чем 11,43 км)⁷².

Анна Комнина, подробно описавшая борьбу своего отца с сельджукскими эмирами и беями в Малой Азии в 1090-х гг.,

⁶⁹ Агаджанов С. Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. С. 56–96.

⁷⁰ Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. Вып. 17 (80): История и филология стран Ближнего Востока в древности и в средневековье. Л., 1967. С. 131–147; Гусейнов Р. А. Уджи — военно-феодальный институт в Малой Азии в XI–XII вв. // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 219–229.

⁷¹ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002. С. 6–13.

⁷² История Железной империи / Пер. с маньчжурского и ком. Л. В. Тюрюминой; отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 132.

подчеркивает высокую степень адаптации кочевников к новым условиям, что выразилось как в строительстве сельджуками Чаки-бея флота для развития военно-морских операций против Константинополя, так и в координировании своих набегов с печенегами Северного Причерноморья. Именно эта угроза вынудила Алексея I обратиться за помощью с западноевропейским рыцарям, результатом чего и стал Первый крестовый поход⁷³. В итоге Алексей I Комнин с помощью крестоносцев не только отбил у сельджуков западные районы Малой Азии, но также смог на некоторое время защитить византийские прибрежные территории Северного Причерноморья как от степняков половцев, так и от сельджуков Данишмендидов, создав постоянную угрозу сельджукским владениям в Анатолии⁷⁴. Данишмендиды и правители Румского султаната были уже безусловно тюрками-огузами, забывшими как о несторианстве Сельджука и Микаила, так и об их монгольском происхождении. Это обстоятельство в определенной степени объясняет многочисленные конфликты между анатолийскими огузами и правившими в Исфахане Великими Сельджукидами.

Принцесса Анна как этнограф определенно различает печенегов, узов, половцев и сельджуков, называя первых «скифами», вторых — «савроматами», третьих — «куманами» (современный Анне этноним), четвертых — «персами». Увлечение античными этнонимами и риторикой в тексте Анны Комниной показывает, что именно половцы (куманы) поражали своим внешним обликом (вероятно, ярко выраженными признаками принадлежности к монголоидной расе) воображение византийцев, следствием чего и стало употребление Анной особого названия этих кочевников, имевшее не книжное античное, а «аборигенное» происхождение от одного из половецких племен (куны). Сельджуки же причисляются византийской принцессой к «персам», вероятно, вследствие распространения персидского языка и чиновничества при сельджукском дворе со второй половины XI столетия.

⁷³ *Frankopan P.* The First Crusade: The Call from the East. Harvard University Press, 2012. P. 87–100.

⁷⁴ *Beihammer A. D.* Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia ca. 1040–1130. London, New York: Routledge, 2017. P. 358–385.

В период написания «Алексиады», то есть в 1140-е гг., культурная иранизация огузской знати Румского султаната стала свершившимся фактом. Показательно, что Анна различает «персов» (сельджуков), «скифов» (печенегов) и «савроматов» (узов). Здесь Анна корректирует «Записки» своего мужа Никифора Вриенния, который следовал другой литературной традиции, восходящей к Константину Багрянородному, и называл сельджуков, подобно мадьярам (венграм), то «турками», то «гуннами»⁷⁵. Сама Анна именует венгров «гуннами».

Но с точки зрения византийской принцессы, сельджуки принципиально отличаются как от печенегов и узов, так и от мадьяр (венгров) и половцев, несмотря на то что в историографии, начиная с В. Г. Васильевского, под влиянием Никифора Вриенния принято было подчеркивать близкое этническое и языковое родство атаковавших Византию тюркских народов — сельджуков, печенегов и узов. Это обстоятельство может служить еще одним аргументом в пользу монгольского происхождения династии и аристократии Великих Сельджукидов, которые после покорения Хорасана легко восприняли новый для них персидский язык и воспользовались услугами старого газневидского чиновничества, но сохранили свою традиционную обособленность от массы подвластных огузских и кипчакских кочевых племен, родственных печенегам, узам и половцам. Последующая история государства Ильханов в XIII в. полностью подтверждает подобную модель этносоциальной организации на примере отношений между завоевателями Хулагуидами и зависимыми от них тюркскими кочевыми племенами.

⁷⁵ *Nicéphore Bryennio. Histoire / Ed. P. Gautier. CFHB 9. Bruxelles : Byzantion, 1975. P. 90–91.*

ИСТОЧНИКИ

Абу-ль-Фадль Мухаммад ибн Хусейн аль-Байхаки. История Масуда / Пер. с персидского А. К. Арендс. Ташкент, 1962.

Анна Комнина. Алексиада / Пер. с древнегреч., комм. Я. Н. Любарского. СПб: Алетейя, 1996.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань Го Чжи) / Пер. с китайского, комм. В. С. Таскина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979.

История Железной империи / Пер. с маньчжурского и ком. Л. В. Тюрюминой; отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского / Отв. ред. С. Е. Малов. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958.

Катакалон Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века / Пер. с древнегреч., комм. Г. Г. Литаврина. СПб: Алетейя, 2003.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л., 1939.

Махмуд ал-Кашигари. Диван лугат ат-турк / Пер. с арабского З. – А. М. Ауэзовой. М: Дайк-Пресс, 2005.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, под ред. А. А. Семенова. М., Л: Изд-во АН СССР. 1952. Т. 1.

Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер. с персидского и прим. Б. Н. Заходера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Сокровенное сказание монголов. Великая Яса. М., 2016.

Фирдоуси. Шахнаме. От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина / Пер. с персидского Ц. Б. Бану-Лахти, комм. А. А. Старикова. М: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. Т. 2.

Annae Comnenae. Alexias / Hrsg. von D. R. Reinsch, A. Kambylis. CFHB 40. 1. Berlin; New York, 2001. Bb. 1.

Ioannis Zonarae. Annales. Bonn, 1897. Vol. 3.

Michel Psellos. Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Ed. E. Renauld. Paris, 1928. 2 t.

Mirchondi Historia Seldschukidarum / Hrsg. von M. K. M. Khvand, J. A. Vullers. Giessen, 1838.

Nicéphore Bryennio. Histoire / Ed. P. Gautier. CFHB 9. Bruxelles: Byzantion, 1975.

Prisci Panitae Fragmenta // *Fragmenta Historicorum Graecorum* / Hrsg. von Karl Muller. Paris, 1851. Vol. 4.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Агаджанов С. Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991.

Агаджанов С. Г. Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии // Тюркологический сборник. М., 1970. С. 192–207.

Агаджанов С. Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад, 1973.

Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н. К истории тюркских набегов на Армению в XI веке // Палестинский сборник. М.; Л., 1976. Вып. 13 (76). С. 144–158.

Арабаев Е. И., Ильясев С. И. Материалы по истории и экономике Киргизии. Изд-во АН Киргизской ССР, 1963.

- Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968.
- Бибиков М. В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 2001.
- Бобров Л. А.* Киданьский шлем из Забайкальского краеведческого музея // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 75–79.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Развитие защитного вооружения у чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего средневековья и раннего нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2003. С. 66–212.
- Боталов С. Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2009.
- Васильевский В. Г.* Византия и печенеги (1048–1094) // ЖМНП. 1872. Ч. 164. Отд. II. С. 116–165, 243–332.
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.
- Владимирицев Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л: Изд-во Академии Наук СССР, 1934.
- Голден П.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ. 2004. С. 103–134.
- Голден П.* Формирование куман-кипчаков и их мира // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. 10. С. 458–480.
- Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.
- Горелик М. В.* Вооружение и военная организация войск Монгольской империи (первая половина XIII в.) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2015. № 8. С. 38–52.
- Горелик М. В.* Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 127–186.
- Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.
- Гумилев Л. Н.* Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский временник. М., 1965. Т. XXVI. С. 67–76.
- Гумилев Л. Н.* «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., Наука, 1977. С. 484–502.
- Гусейнов Р. А.* Из истории отношений Византии с сельджуками (по сирийским источникам) // Палестинский сборник. Л., 1971. Т. 23 (86): Византия и Восток. С. 156–166.
- Гусейнов Р. А.* Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. Вып. 17 (80): История и филология стран Ближнего Востока в древности и в средневековье. Л., 1967. С. 131–147.
- Гусейнов Р. А.* Уджи – военно-феодальный институт в Малой Азии в XI–XII вв. // Тюркологический сборник 1974. М., 1978. С. 219–229.
- Гусейн-Заде Р. А.* Кавказ и Сельджуки. Баку, 2010.
- Евстигнеев Ю. А.* Исчезнувшие этносы (краткий этно-исторический справочник). СПб., 2005.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней передней Азии. СПб., 2005. С. 44–48.

Корнилов Л. Г. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1903.

Костин Ю. Из истории византийско-китайских отношений // Византийский Временник. М., 1958. N 13. С. 292–297.

Любарский Я. Н. «Алексиада» Анны Комниной – шедевр византийской литературы? // *Он же*. Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 262–278.

Мехмадиев Е. А. Между Востоком и Западом: внешняя политика и военная доктрина византийского императора Алексея I Комнина в трактовке новейшей российской историографии (о монографии Андрея Юрьевича Митрофанова «Император Алексей I Комнин и его стратегия») // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 258–263.

Мохов А. С. Военная политика Константина X Дуки // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Экономика. Политология. Информатика. Белгород, 2011. № . 1 (96). С. 58–66.

Скрипник А. С. Сарматы. Волгоград, 2017.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948.

Хелимский Е. А. Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология. Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов. Люблина, 15–21 августа 2003. Гамбург, 2003. С. 3–12.

Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. 8. С. 312–333.

Шагинян А. К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб., 2011. С. 456–457.

Шувалов П. В. У истоков средневековья: двор Аттилы // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2001. Вып. 3. С. 130–145.

Шульга Д. П., Ющенко Д. А., Тернов Н. М. Сравнение китайского и монгольского опыта отношений с Восточной Римской Империей // МАИАСП. 2022. № 14. С. 331–346.

Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М., 1988. С. 10–298. *Юзбашян К. Н.* Скилица о захвате Анийского царства в 1045 году // Византийский Временник. 1979. Т. 40 (65). С. 76–91.

Altheim F. Geschichte der Hunnen. B. 5. Niedergang und Nachfolge. Berlin, 1962.

Asim N. Türk Tarihi. Istanbul, 1898.

Beïhammer A. D. Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia ca. 1040–1130. London, New York: Routledge, 2017.

Bloch E. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden; London, 1910.

Buckley P. The Alexiad of Anna Komnene. Artistic Strategy in the Making of a Myth. Cambridge: University Press. 2014.

Cahen C. Le Malik-nameh et l'histoire des origines seljukides // Oriens II. (1949). P. 31–65.

Cahen C. La Turquie pre-ottomane. Istanbul, 1988.

Canby S. R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A. C. S. Court and Cosmos. The Great Age of the Seljuqs. New York, 2016.

Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. I: Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081–1118). Paris, 1900.

Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. II: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). Paris, 1912.

Frankopan P. Perception and Projections of Prejudice: Anna Komnena the Alexiad and the First Crusade // *Gendering the Crusades*. New York, 2002. P. 59–76.

Frankopan P. The First Crusade: The Call from the East. Harvard University Press, 2012.

Golden P. Some notes on the Avars and Rouran // *The Steppe Lands and the World beyond them*. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday. Iasi, 2013. P. 43–66.

Golden P. Some Thoughts on the Origins of the Turks and the Shaping of the Turkic Peoples // *Contact and Exchange in the Ancient World*. Honolulu, 2006. P. 136–157.

Harmatta J. History of Civilizations of Central Asia. Vol. II: The Development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris, 1994.

Howard-Johnston J. Anna Komnene and the Alexiad // *Alexios I Komnenos*. Papers of the Second Belfast Byzantine International Colloquium, 14–16 April 1989 / Ed. by M. Mullett and D. Smythe. Belfast, 1996. P. 260–302.

Lilie R.-J. Der Erste Kreuzzug in der Darstellung Anna Komnenes // *Varia II. Beiträge von Albrecht Berger, Lucy-Anne Hunt, Ralph-Johannes Lilie, Claudia Ludwig und Paul Speck*. *Ποικίλα Βυζαντινά* 6. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1987. S. 49–148.

Lin Hang. Empresses Dowagers on Horseback: Yingtian and Chengtian of the Khitan Liao (907–1125) // *Acta Orientalia Hungarica*. 2020. Vol. 73. No. 4. P. 585–602.

Ljubarskij J. Why is the Alexiad a Masterpiece of Byzantine Literature? // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 169–186.

Macrides R. The Pen and the Sword: Who wrote the Alexiad? // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 63–81.

Magdalino P. The Pen of the Aunt: Echoes of the Mid-twelfth Century in the Alexiad // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 15–44.

Mitrofanov A. Y. La princesse Čičäk et le soi-disant imposteur Tiberius // *Byzantinische Zeitschrift* 2024. Vol. 117 (1). S.169–182.

Mitrofanov A. Y. The Lord's gift transformed into a tiger. A hypothesis regarding the fate of the Empress Theodora of Khazaria (705–711) // *Byzantinische Zeitschrift*. 2023. Vol. 116 (1). S. 127–146.

Neville L. Anna Komnene. The Life and Work of a Medieval Historian. Oxford: University Press. 2016.

Neville L. Heroes and Romans in Twelfth-Century Byzantium: The Material for History of Nikephoros Bryennios. Cambridge: University Press, 2012.

Neville L. Lamentation, History and Female Authorship in Anna Komnene's Alexiad // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2013. Vol. 53. P. 192–218.

Peacock A. C. S. Early Seljūq History: A New Interpretation. London; New York. 2010.

Peacock A. C. S. The Great Seljuk Empire. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015.

Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr. Muenchen: Verlag C. H. Beck, 1988.

Reinsch D. Women's Literature in Byzantium? The Case of Anna Komnene // *Anna Komnene and Her Times*. / Ed. by T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 83–105.

Sinclair K. Anna Komnene and Her Sources for Military Affairs in the Alexiad // *Estudios Bizantinos*. 2014. № 2. P. 143–185.

Speck P. Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros. *Ποικίλα Βυζαντινά* 9. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1988.

Speck P. De Miraculis Sancti Demetrii, qui Thessalonicam profugus venit oder Ketzerisches zu den Wundergeschichten des Heiligen Demetrios und zu seiner Basilika in Thessalonike // *Varia IV*. Beiträge von Sofia Kotzabassi und Paul Speck. *Ποικίλα Βυζαντινά 12*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1993. S. 267–532.

Speck P. Die Interpretation des *Bellum Avaricum* und der Kater Μεγλειμπέ: Der Protest des Patriarchen Sergios gegen die Heirat des Herakleios mit Martina // *Varia II*. Beiträge von Albrecht Berger, Lucy-Anne Hunt, Ralph-Johannes Lilie, Claudia Ludwig und Paul Speck. *Ποικίλα Βυζαντινά 6*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1987. S. 374–375.

Speck P. Nochmals zu den *Miracula Sancti Demetrii*. Die Version des Anastasius Bibliothecarius // *Varia V*. Beiträge von Thomas Pratsch, Claudia Sode, Paul Speck und Sarolta Takács. *Ποικίλα Βυζαντινά 13*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1994. S. 324–429.

Vasiliev A. A. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet // *Byzantinsche Zeitschrift*. 1929–30. № 29. S. 233–244.

Флоря Б. Н., Шлевис Г. Антоний, Иоанн и Евстафий, мученики // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 666–668.

Шевченко Е. Э. Мартириан // ПЭ. М., 2016. Т. 44. С. 183–193.

Яблонский В., свящ. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб.: Синодальная тип., 1908.

Ethnographic views of Anna Komnene and Nikephoros Bryennios: on the question of the Mongolian origin of the Seljuks

Mitrofanov Andrey Y.

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts at Louvain Catholic University, Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy; Full Member of the Barsov Society for the Study of Church Law of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

FOR CITATION: *Mitrofanov A. Y.* Ethnographic views of Anna Komnene and Nikephoros Bryennios: on the question of the Mongolian origin of the Seljuks // Bogoslov. 2025. № 2 (6). P. 91–129. DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2025.6.2.006

ABSTRACT The article analyzes the ethnographic information contained in Anna Komnena's «Alexiad» and the «Historical Notes» of her husband, Nikephoros Bryennios. The subject of the analysis is the origin of the Seljuk nomads. A review of the literature devoted to this currently controversial issue is proposed. As part of the historiographical review, the author addresses the general methodological issue of the influence of Soviet ideology on Turkology and the specific consequences of this influence in the field of ethnographic research. Considering a wide range of sources that directly or indirectly shed light on the origin of the Seljuks, the author provides a number of arguments indicating their Mongolian origin.

KEYWORDS: Anna Komnene, Alexiade, Nikephoros Bryennios, Seljuks

The article was submitted 05.04.2025,
approved after reviewing 01.06.2025,
accepted for publication 12.06.2025.